

УДК 81'27

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ПОРТУГАЛИЮ: НОВЫЙ ЯЗЫКОВОЙ КОНТАКТ

Блажевич Ю.С., Бойчук И.В.

*ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,
Белгород, e-mail: boichuk_i@bsu.edu.ru*

Рассмотрен вопрос языкового контакта русского и португальского языков в связи с эмиграцией наших соотечественников в Португалию. Описаны и проанализированы основные лингвистические и экстралингвистические причины данного контакта, а также языковые проявления взаимодействия языков. В частности, рассмотрены особенности типов культурно-речевого поведения эмигрантов в иноязычной лингвокультурной среде. На основе проанализированного фактического и теоретического материала были выявлены семантические изменения, наиболее характерные для русского языка Португалии: сужение, расширение, смещение значения, метафора, эвфемизация, семантическое калькирование. Опираясь на имеющиеся наблюдения современных исследователей и на основании собранного фактического материала, были выделены две основные группы луситанизмов в речи русскоязычных эмигрантов. Были установлены основные наиболее продуктивные словообразовательные модели русского языка, характерные для производства лексических дивергентов.

Ключевые слова: языковой контакт, эмиграция в Португалию, язык эмигрантов, языковая интерференция, заимствование, калька, переключение кодов

RUSSIAN-SPEAKING EMIGRATION TO PORTUGAL: A NEW LANGUAGE CONTACT

Blazhevich Y.S., Boychuk I.V.

Belgorod State National Research University, Belgorod, e-mail: boichuk_i@bsu.edu.ru

The issue of the linguistic contact between Russian and Portuguese languages attributed to the emigration of our compatriots to Portugal is considered. The main extra-linguistic reasons for this interaction are described and analyzed as well as the linguistic manifestations of the interaction of the languages. In particular, the characteristics of the types of cultural and linguistic behavior of the emigrants in a foreign linguistic and cultural environment have been given attention to. On the basis of the analyzed factual and theoretical material the semantic changes which are the most characteristic of the Russian language in Portugal have been singled out: restriction, widening, displacement of meaning, metaphor, euphemization and semantic calque. Based on the previous findings of modern researchers and on the collected factual material there have been singled out two main groups of lusitanisms characteristic of the speech of Russian-speaking emigrants. There have been found the main and most productive word-building models of the Russian language characteristic of lexical divergent production.

Keywords: language contact, emigration to Portugal, socio-linguistic situation, emigrant language, assimilation, diglossia, bilingualism

Миграции сопровождают всю историю человечества, ведя к возникновению языковых контактов и накладывая свой отпечаток на развитие культур. Не вызывает сомнения тот факт, что язык в эмиграции, развиваясь в постоянном соприкосновении с другими языками, подвергается определенному воздействию, что отражается в изменении его состава. Русская диаспора обширна и многолика, неоднородна во всех отношениях. Лингвистические процессы, проходящие в русской иммигрантской среде, уже становились объектом исследования многих ученых (М.А. Бобрик, М.Я. Гловинская, Д.О. Добровольский, Е.А. Земская, Е.Ю. Протасова и др.), тем не менее многое в данной тематике остается спорным и нерешенным. В этой связи возникает необходимость как в описании экстралингвистических причин языкового контакта русского и португальского языков, так и в анализе конкретных языковых явлений, вызванных им.

В последние десятилетия Португалия, бывшая в течение десятилетий страной

эмиграции, превратилась в страну иммиграции, принимая тысячи мигрантов не только из бывших португальских колоний, но также из стран Восточной Европы.

После распада Советского Союза в 1991 г. экономическая и политическая ситуация в бывших республиках СССР была сложной и нестабильной. «Железный занавес» пал, что вызвало массовую эмиграцию граждан союзных республик в «более благополучные» страны мира. В отличие от русской эмиграции в Бразилию, которая началась еще в конце XIX столетия, история русской эмиграции в Португалию начала свой отчет лишь в конце XX века. «В 1999 г. <...> только начался процесс массового (в основном нелегального) проникновения в эту страну выходцев из России и стран СНГ. Позже <...> местные власти стали рассматривать иммиграцию из стран Восточной Европы как процесс, оказывающий достаточно серьезное воздействие на различные сферы жизни страны» [1, 15/02/2009]. С января по ноябрь

2001 года правительство Португалии провело процесс легализации находящихся на территории страны нелегальных иммигрантов, благодаря чему произошел массовый наплыв иммигрантов из стран Восточной Европы.

Основным мотивом прибывших в конце 90-х годов было стремление заработать средства на покупку недвижимости на родине либо накопить достаточно средств для дальнейшей эмиграции в такие страны, как Канада, США, Австралия и др. Поэтому португальский язык эмигрантам приходилось учить самостоятельно на месте, причем очень быстро, поскольку основной мотивацией служила необходимость быстрее найти работу и включиться в жизнь. Родной язык при этом продолжает использоваться в семье или как средство межэтнического общения. Очень быстро появляются СМИ на языках эмигрантов, в Португалию прибывают русскоязычные священники – потомки русских эмигрантов в Бразилии, и начинают функционировать русские и украинские церкви.

Иными словами, установкой данных эмигрантов изначально являлось накопление средств, и ни о какой установке на ассимиляцию речи не шло. Но экономическая ситуация менялась. Можно говорить о том, что если в конце 90-х эмигранту можно было заработать на покупку жилья в бывших республиках СССР, то в начале XXI века цены на недвижимость в СНГ стали европейскими. С 2002 года интенсивность процесса эмиграции в Португалию замедлилась в связи с ухудшением экономической ситуации в стране. Исходя из этого, кто-то остался жить в Португалии и теперь стремится к более комфортным условиям проживания – покупает жилье в кредит и устраивает свой быт в Португалии, кто-то больше не видит смысла оставаться в Португалии и возвращается на родину или переезжает в экономически более развитые страны. Оставшиеся пытаются, с одной стороны, максимально адаптироваться к новой жизни, с другой стороны, стараются сохранить свой язык и культуру.

Показателем уровня адаптации и включенности в португальское общество считается владение языком. Всего лишь через несколько месяцев после приезда большинство иммигрантов из Восточной Европы способны общаться и добиваться взаимопонимания на португальском языке. Лишь 9% заявили, что не могут говорить по-португальски, 14% не умеют правильно писать и 14% не умеют читать по-португальски. «Еще рано судить о социальной интеграции этих иммигрантов, однако не может не удивлять тот факт, что за такой короткий период времени подавляющее большинство проявляет явные признаки функциональной адаптации». 52%

опрошенных оценили жизненный опыт пребывания в Португалии как «позитивный» и даже «очень позитивный» и лишь 7% как очень негативный [2].

Наиболее успешно адаптируются в Португалии представители молодого поколения. Так, по мнению Антонио Сота Мартинша, «наши дети – идеальные ученики. Это чрезвычайно мотивированные и старательные учащиеся. Имеют высокие оценки по всем предметам. Усваивают все с поразительной легкостью. Некоторые даже по португальскому языку имеют оценки более высокие, чем коренные португальцы» [1, 20/06/2009].

В ситуации контакта языков и культур заметную роль в самоидентификации иммигрантов играют как «внешние», «объективные» условия функционирования их исконного языка и культуры, так и сознательный выбор индивида, его установки. Среди внешних факторов можно считать свойственную многим странам Европы неприязнь к двуязычию и билингвам. Подробно данный вопрос рассматривается в работах некоторых социолингвистов (Chambers 2003; Edwards 1994: 4; Hudson 1996; Skutnabb-Kangas 1983: 66; Trudgill 1983: 124; 2000; Wright 1995). Природа этой неприязни объясняется тем, что двуязычие обычно связывается в обыденном сознании с бедностью, некультурностью и неспособностью интегрироваться в цивилизованный мир, а владение престижным языком – с образованностью, карьерой и успехом.

Что же касается сознательных установок индивида, то здесь уместно рассматривать особенности типов культурно-речевого поведения эмигранта, пользуясь концепцией Г. Пфандль [10], в которой учитывается не только отношение индивида к русскому языку, но и к языку страны пребывания.

Первый тип – антиассимилятивный (установка на сохранение привезенного языка при максимальном неиспользовании чужого). Такая модель поведения довольно часто встречается среди тех, кто прибыл в страну с целью заработка и не преследует цель интеграции в общество. Для данного типа поведения характерна стратегия сознательной поддержки связи с родным языком и культурой, которая часто ведет к изоляции от португальского окружения, часто также сознательной. Представители этой модели поведения владеют португальским языком на очень низком уровне, которого им достаточно для выполнения неквалифицированной работы, но на другую работу они и не претендуют.

Второй тип – ассимилятивный (максимально быстрое усвоение языка новой страны и пренебрежение к собственному языку). Данная стратегия полярно противо-

положна первой. Представители такой модели поведения часто рассматривают овладение португальским языком как залог достижения поставленной цели и считают его наиболее престижным. В этой связи для них показательно своего рода отталкивание, отчуждение от русского языкового и культурного пространства, демонстрируемое в коммуникации. Как правило, это русские, имеющие португальского партнера. Данный тип встречается довольно редко.

Третий тип – бикультурный-билингвальный (или сознательно бикультурный). Для него характерно внимание к обоим языкам (а иногда и к трем-четырем). Последняя установка может давать наибольший эффект и для сохранения родного языка. К данному типу относятся те, кто в достаточной мере владеет обоими языками и не испытывает трудностей в социализации (чаще всего это те, кто приехал работать или учиться). Этот тип можно обозначить как сознательно бикультурный. Самым важным признаком этноязыкового сознания этого типа является то, что оно не предполагает вытеснения одного языка/культуры за счет освоения другого языка/культуры. В ситуации двуязычия в рамках этого типа самосознания родной и освоенный языки не конкурируют друг с другом. Завоевание языкового, социального, культурного и пр. признания, столь естественное при активной интеграции или социализации, осуществляется у носителей этого типа самосознания иначе. Для них цель интеграции состоит, очевидно, не в том, чтобы «стать своим» (путем усвоения не только языка, но и системы ценностей и моделей социального и культурного поведения). Они стремятся довести до возможного совершенства знание нового языка и культуры, не теряя исходной языковой и культурной компетенции.

На основе проанализированного фактического и теоретического материала можно сделать вывод о том, что при изучении португальского языка русскими эмигрантами в сфере лексики наблюдается интерференционное воздействие родного языка как при восприятии второго языка, так и при его употреблении. Так, из-за несовпадения лексической сочетаемости единиц русского и португальского языков попытка дословного перевода на португальский язык часто приводит к ошибке. Необходимо отметить, что русская лексика практически не встречается в португальской речи эмигрантов (кроме случаев ошибочного соскальзывания на родной язык самого эмигранта). Интерференция проявляется в основном на семантическом уровне, основными ее причинами являются семантические и структурные расхождения в лексике языков. Русскоязычный говорящий, в недостаточной степени владеющий

португальским языком, допускает ошибки, вызванные механизмом межъязыкового отождествления, в результате чего появляются кальки. Например, в португальском языке существует устойчивое сочетание, обозначающее «знать слова песни» – «saber a letra» – дословно «знать букву (песни)», русскоязычный говорящий использует дословный перевод с русского, в результате чего получается «saber as palavras» – досл. «знать слова (песни)», что является ошибкой.

Анализ исследованного фактического материала показал, что в русском языке эмигрантов широко используются многочисленные португальские лексические единицы, которые образуют синонимические ряды или вытесняют русские слова эквивалентами из португальского языка. Опираясь на имеющиеся наблюдения современных исследователей и на основании собранного фактического материала, нами были выделены две большие группы: лексико-морфологическая и понятийно-тематическая.

В первую группу вошли португальские лексические единицы, представляющие собой разновидности «трансференции» (или заимствования), а также лексические единицы, употребляемые в функции переключения кодов. Например, чувствовать чью-то фалту (*sentir a falta* – чувствовать нехватку, не хватать, скучать).

Понятийно-тематическую группу составили лузитанизмы, широко используемые русскими эмигрантами как по причине лакунарности, так и в связи с специфической прагматикой или актуальностью обозначаемых ими понятий. Большая часть лексических единиц данной группы не была зафиксирована в современных словарях, однако часто встречается в речи эмигрантов. Например, «я понятия в пинтуре (*pintura* – покраска, малярное дело) не имею, но стены так выкрасил, что никто не верит, что это именно я сделал».

Также были выявлены семантические изменения, наиболее характерные для русского языка Португалии: сужение, расширение, смещение значения, метафора, эвфемизация, семантическое калькирование. Например, специфическим образом функционирует существительное «пилюля». В Португалии помимо совпадающего с русским языком основного значения, существительное «*pílula*» (от лат. *pílula* – маленький шарик) имеет также дополнительное значение «противозачаточный препарат», в результате чего и в русском языке Португалии происходит специализация значения слова и употребляется оно исключительно как «противозачаточные таблетки» (сужение значения).

Отдельную группу составили семантические неологизмы. Так, существительное «банда» стало употребляться и в значении «музыкальная группа» (порт. *banda*):

«Какая твоя самая любимая банда?» – «Сантуш и пекадореш».

Собранный фактический материал позволяет говорить о том, что лузитанизмы в языке русских эмигрантов подвергаются морфологическим изменениям. Происходящие изменения по форме вытекают из фонетических искажений заимствованных слов. В последних происходят различного вида трансформации, которые выражаются в добавлении или усечении звуков, главным образом гласных. Например, усечение конечных звуков слова – «террамот» вместо порт. *terramoto* – «землетрясение» или добавление звука – «бомбейруш» вместо порт. *bombeiro* – «пожарник, спасатель».

Нами также были установлены основные словообразовательные модели русского языка, характерные для производства лексических дивергентов (или слов-гибридов). Так, наиболее продуктивным является способ аффиксальной деривации (в основном суффиксальный). Наиболее многочисленную группу гибридов составляют глаголы на –и + ть, реже на –а /–я + ть: порт. *cancelar* (отменить) – «канселарить», также «канцеларить»; порт. *reclamar* (жаловаться) – «рекламарить»; порт. *finalizar* (завершать) – «финализировать» и др.

Вторую наиболее многочисленную группу составляют прилагательные, образованные от португальских существительных (реже от португальских прилагательных) с добавлением следующих суффиксов + окончаний: –н + окончание –ый (–н + окончание –ая): порт. *rognenor* (подробность) – «пурменорный» (= подробный); порт. *férias* (каникулы, отпуск) – «фериасный» (= отпускной); порт. *sansativo* (прил. утомительный) – «кансативный»; –ск + окончание –ий (–ск + окончание –ая): порт. *sampo* (деревня, сельская местность) – «камповский» (= деревенский); порт. «Modelo» (название сети супермаркетов) – «модоловский» (= товар, который продается в супермаркете «Modelo»).

Существительные-гибриды встречаются редко, например, порт. *limpeza* (уборка) – «лимпезница» – уборщица.

Следует отметить, что в случае с гибридами префиксальный способ словообразования не является продуктивным. Крайне редко встречается и словосложение. Словообразовательный механизм русского языка в отличие от других подсистем русского языка (таких, например, как интонация, фонетика, лексика) не подвергается иноязычному влиянию. Напротив, русское словообразование способно включать иноязычные лексические элементы в словообразовательные модели русского языка для производства лексических дивергентов (или слов-гибридов). Так, португальские глаголы в русской речи встречаются исклю-

чительно в виде слов-гибридов, образованных суффиксальным способом.

Создание подобных гибридов в номинативных целях нарушает чистоту русского языка. Обоснованным можно считать использование гибридов в экспрессивной функции, например, при языковой игре.

Данная тема имеет широкие перспективы для дальнейшего исследования. Поскольку история русской эмиграции в Португалии исчисляется очень коротким сроком, можно лишь предполагать, какие формы она примет в ближайшие годы и столетия, как изменится русский язык в иноязычной среде и окажет ли влияние на португальский при таком близком контакте.

Список литературы

1. Маяк Португалии – еженедельная газета для русскоязычных иммигрантов из Восточной Европы в Португалии.
2. *Revista de Estudos Demográficos*. 2008, № 38.
3. Chambers, J. *Sociolinguistic theory: linguistic variation and its social significance*. : Wiley–Blackwell, 2003.
4. Edwards, J. *Multilingualism*. London/ New York: Routledge, 1994.
5. Hudson, R. *Sociolinguistics*. Cambridge University Press, 1996.
6. Skutnabb-Kangas, T. *Bilingualism or Not // The Education of Minorities*. Clevedon, 1983.
7. Trudgill, P. *An Introduction to Language and Society*. London, 1983.
8. Trudgill, P. *Sociolinguistics: an introduction to language and society*. Penguin, 2000.
9. Wright, S., Kelly H. *Languages in contact and conflict: contrasting experiences in the Netherlands and Belgium*. Birmingham: Multilingual Matters, 1995.
10. Pfandl, H. *Erstsprachenverwendung und kulturelle Einstellungen von russischsprachigen Emigrierten mit frühem Ausreisalter in deutschsprachiger Umgebung: Elemente einer Analyse der sprachlich-kulturellen Persönlichkeit*. Habilitationsschrift. Gras 2000.

References

1. *Majak Portugalii – ezhenedelnaja gazeta dlja russkojazychnykh emigrantov iz Vostochnoj Evropy v Portugalii*.
2. *Revista de Estudos Demográficos*. 2008, no. 38.
3. *Chambers, J. Sociolinguistic theory: linguistic variation and its social significance*. : Wiley–Blackwell, 2003.
4. *Edwards, J. Multilingualism*. London/ New York: Routledge, 1994.
5. *Hudson, R. Sociolinguistics*. Cambridge University Press, 1996.
6. *Skutnabb-Kangas, T. Bilingualism or Not // The Education of Minorities*. Clevedon, 1983.
7. *Trudgill, P. An Introduction to Language and Society*. London, 1983.
8. *Trudgill, P. Sociolinguistics: an introduction to language and society*. Penguin, 2000.
9. *Wright, S., Kelly H. Languages in contact and conflict: contrasting experiences in the Netherlands and Belgium*. Birmingham: Multilingual Matters, 1995.
10. *Pfandl, H. Erstsprachenverwendung und kulturelle Einstellungen von russischsprachigen Emigrierten mit frühem Ausreisalter in deutschsprachiger Umgebung: Elemente einer Analyse der sprachlich-kulturellen Persönlichkeit*. Habilitationsschrift. Gras 2000.

Рецензенты:

Бондаренко Е.В., д.ф.н., профессор кафедры второго иностранного языка, НИУ БелГУ, г. Белгород;

Седых А.П., д.ф.н., профессор кафедры французского языка, НИУ БелГУ, г. Белгород.

Работа поступила в редакцию 19.12.2013.